ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

L. K. Goetz. *Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius. Quellenmässig untersucht und dargestellt.* Gotha, Andreas Perthes 1897. VIII+272 стр. 8⁰. Цѣна 4 м.

Книга Гетца вызвала нѣсколько рецензій въ славянскихъ журналахъ. Такъ вскорѣ послѣ ея выхода, въ Český časopis historický (1897 г., I книжка) въ статьѣ: Nova kniha o době cyrillomethodějské, представляющей рецензію на сочиненіе Лапотра, проф. Пастрнекъ помѣстилъ о ней первую критическую замѣтку. Затѣмъ въ журналѣ Časopis českého Museum 1897 г. вып. IV въ статьѣ: Novější práce o činnosti Slovanských apoštolů sv. Cyrilla a Methoda проф. Вондракъ на ряду съ трудами проф. Фридриха и Лапотра разсматриваетъ и сочиненіе Гетца. Наконецъ, въ Archiv'ѣ проф. Ягича т. XX ч. I помѣщена большая рецензія на ту же книгу г. Нахтигаля [1]).

Такое вниманіе объясняется полнымъ сочувствіемъ славянской науки тому интересу, который обнаруживается въ послѣднее время къ вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи въ западно европейской литературѣ. Сравнительно въ короткій срокъ явились изслѣдованіе проф. Фридриха объ открытомъ имъ письмѣ Анастасія библіотекаря, прямо касавшееся Константина философа въ 1892 г., сочиненіе Лапотра L'Europe et le saint Siège à l'époque carolingienne въ 1895 г., въ которомъ нѣсколько главъ посвящено славянамъ, и въ слѣдъ за ними въ 1897 г. выходитъ названная выше книга Гетца. Послѣдній является въ своемъ трудѣ продолжателемъ проф. Фридриха, которому онъ считаетъ себя обязаннымъ какъ за выборъ темы, такъ и за указанія при ея исполненіи и потому посвящаетъ свою книгу. Къ сожалѣнію, Гетцу остался неизвѣстнымъ разборъ изслѣдованія проф. Фридриха, написанный академикомъ И. В. Ягичемъ въ

1) Мы въ своей статьѣ будемъ пользоваться многими замѣчаніями рецензентовъ, при чемъ оговариваемся, что быть можетъ не всегда нами будетъ указана та или другая статья. Знакомые съ этими рецензіями, разумѣется, въ случаѣ нужды разберутъ, кому что принадлежитъ.

54 томѣ Сборника Академіи Наукъ, знакомство съ которымъ должно было остановить автора отъ ошибокъ своего учителя. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ самъ проф. Фридрихъ не обратилъ вниманія Гетца на эту статью И. В. Ягича. Но и помимо того, авторъ новаго изслѣдованія вообще относится съ несправедливымъ пренебреженіемъ къ предшествующей литературѣ, находя, что она «отчасти одностороння, отчасти покоится на ложномъ основаніи», что «соотвѣтствующаго истинѣ образа жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ мы до сихъ поръ еще не имѣемъ» (стр. 2). Не имѣя возможности, не зная славянскихъ нарѣчій, читать изслѣдованія славянскихъ ученыхъ въ подлинникѣ и знакомый лишь съ нѣкоторыми изъ нихъ по рецензіямъ въ Архивѣ проф. Ягича, Гетцъ не съумѣлъ оцѣнить ихъ важность. Онъ обвиняетъ православныхъ и католическихъ авторовъ въ вѣроисповѣдномъ пристрастіи, обобщая замѣчаніе, сдѣланное въ этомъ смыслѣ въ Архивѣ Ягича о нѣкоторыхъ статьяхъ о Кириллѣ и Меѳодіи, вышедшихъ въ 1885 г., и относя его къ большей части этихъ трудовъ. Благосклоннѣе относится онъ къ изслѣдователямъ протестантамъ, которые въ его глазахъ «*естественно* болѣе безпристрастны», какъ, напр., Дюмлеръ и Бертгольцъ, но недостатокъ ихъ работы видитъ въ томъ, что они признавали папскія посланія, которыя должно считать подложными. Считая самымъ важнымъ пунктомъ критику источниковъ, послѣ которой только и можно приступить къ изложенію исторіи дѣятельности славянскихъ первоучителей, авторъ подраздѣляетъ свой трудъ на двѣ части, изъ которыхъ въ одной разсматривается достоинство источниковъ, въ другой идетъ изложеніе фактовъ на ихъ основаніи. Пересмотръ источниковъ привелъ автора къ убѣжденію въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, до сихъ поръ признававшіеся важными, должны быть вычеркнуты изъ числа подлинныхъ документовъ. Въ проведеніи критики источниковъ на новыхъ началахъ авторъ и видитъ отличіе своей книги отъ трудовъ предшественниковъ. Въ противоположность славянскимъ изслѣдователямъ онъ отдаетъ предпочтеніе латинскимъ источникамъ, какъ болѣе безпристрастнымъ, находя, что они будто бы менѣе впутаны въ борьбу того времени и потому болѣе свободны отъ религіозной и церковно-политической тенденціи въ сравненіи съ славянскими. «Ближе входить во всѣ подробности прежнихъ изслѣдованій, въ различные пути, пройденные критикой источниковъ, въ заключенія, которыя были изъ нея выводимы, авторъ не находитъ нужнымъ, разъ нѣкоторыя мнѣнія послѣ публикаціи профессора Фридриха и послѣ доказательствъ подложности папскихъ посланій, представленныхъ въ его собственной книгѣ, потеряли всякое значеніе». Наконецъ г. Гетцъ заявляетъ, что во второй части своего изслѣдованія онъ старался возможно тѣснѣе придерживаться темы и не привлекалъ ничего, что прямо къ ней не относится. Поэтому во всѣ филологическіе вопросы, относящіеся къ исторіи славянскихъ апостоловъ, онъ не входилъ. Нисколько не удивительно, что при такомъ самоувѣренномъ

взглядѣ на вѣрность началъ, положенныхъ въ основу критики источниковъ, при явно пристрастномъ предпочтеніи источникамъ славянскимъ латинскихъ документовъ, при небрежномъ отношеніи къ предшествующей ему литературѣ и, наконецъ, при непониманіи важности знакомства съ выводами славянской филологіи для правильнаго объясненія нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности славянскихъ первоучителей, новое изслѣдованіе оказалось полно недостатковъ и ошибокъ, которые и пришлось отмѣтить критикѣ.

Остановимся прежде всего на первой части книги Гетца, посвященной критикѣ источниковъ. Всѣ источники въ ней подраздѣляются на первичные, вторичные и позднѣйшіе. Къ первой группѣ относятся письмо Анастасія библіотекаря, translatio Гаудериха, подлинныя посланія папъ, conversio Bagoariorum et Carantanorum и письмо баварскихъ епископовъ Іоанну IX въ 900 г., ко второй группѣ—житіе Меѳодія и Константина и, наконецъ, къ третьей, житіе Климента и младшія легенды.

Письмо Анастасія библіотекаря, открытое проф. Фридрихомъ, Гетцъ считаетъ самымъ важнымъ источникомъ, который служитъ мѣркою цѣнности и достовѣрности всѣхъ другихъ: только на основаніи этого письма можно построить правильное, соотвѣтствующее фактическому ходу вещей изложеніе жизни Константина. Важное само по себѣ, оно не менѣе важно и потому, что имъ подтверждается подлинность и достовѣрность такъ называемой Итальянской легенды. Всѣ ранѣе выставленныя критикою мнѣнія о позднемъ ея происхожденіи, о зависимости ея отъ славянскихъ источниковъ послѣ публикаціи проф. Фридриха оказываются несостоятельными. Далѣе Гетцъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса, на сколько Итальянская легенда, какъ она сохранилась, представляетъ первоначальный текстъ Гаудериха. Первыя три главы послѣ введенія о лицѣ и юности Константина основаны, главнымъ образомъ, на сообщенномъ Анастасіемъ разсказѣ Митрофана въ повѣствованіи объ обрѣтеніи мощей св. Климента, а также и на собственномъ сочиненіи Константина, переведенномъ Анастасіемъ на латинскій языкъ. Начиная со словъ quadam autem die третьей главы и оканчивая пятой главою, Итальянская легенда излагаетъ историческое сочиненіе Константина, о чемъ, и помимо прямого свидѣтельства Анастасія объ авторствѣ Константина, можно было бы заключать по выраженіямъ, указывающимъ на очевидца (на это уже было указано еще въ 1858 г. Викторовымъ: Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, стр. 408—410). Главы 6—9 составлены на основаніи собственныхъ свѣдѣній Гаудериха. Въ отличіе отъ проф. Фридриха, который предполагаетъ двѣ передѣлки Итальянской легенды: одну, въ которой прибавлены главы 1-я и 6-я и во второй главѣ свѣдѣнія объ изученіи Константиномъ въ Херсонѣ еврейскаго языка,—и другую, въ которой прибавлены главы 10—12, благодаря чему легенда объ обрѣтеніи мощей обратилась въ легенду о Константинѣ,—Гетцъ допускаетъ только одну послѣднюю переработку легенды. Что же касается первыхъ девяти главъ,

то, по его мнѣнію, онѣ представляютъ Translatio въ первоначальномъ видѣ. Свѣдѣнія о Кириллѣ, предшествующія разсказу объ обрѣтеніи мощей св. Климента, должны были находиться въ редакціи Гаудериха. Различіе обработки темы у Гаудериха и Анастасія зависитъ отъ различія задачи. Матеріалъ, полученный отъ Анастасія, Гаудерихъ иначе группировалъ и распространялъ его, дополняя собственными свѣдѣніями. Въ рецензіи Нахтигаля указано, что поправки къ мнѣніямъ Фридриха относительно первой и шестой главы, а также относительно времени открытія мощей Климента, предложены уже проф. И. В. Ягичемъ. Равнымъ образомъ, рецензентъ находитъ болѣе справедливымъ взглядъ И. В. Ягича, согласно которому седьмая глава translatio всего вѣроятнѣе не принадлежитъ первоначальному тексту. Окончательную оцѣнку этихъ двухъ источниковъ, письма Анастасія и Translatio, Гетцъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «въ письмѣ Анастасія и въ Итальянской легендѣ мы имѣемъ два вполнѣ достовѣрные и надежные источника приблизительно одинаковой цѣнности, которые прежде всего носятъ на себѣ черты фактичности и объективности. Съ полнымъ правомъ изложеніе жизни Константина прежде всего будетъ основываемо на этихъ двухъ источникахъ. Рядомъ съ этими абсолютно вѣрными первоначальными источниками можно и должно пользоваться и другими второстепенными источниками.—Какъ общее основаніе для пользованія позднѣйшими источниками для исторіи Константина можно установить слѣдующее: «Всѣ позднѣйшіе источники слѣдуетъ опредѣлять въ ихъ отношеніи и согласіи съ Анастасіемъ и Гаудерихомъ. По скольку они согласны съ этими двумя источниками, они являются вполнѣ достовѣрными; что служитъ дополненіемъ этихъ обоихъ и укладывается въ ихъ рамки, можетъ быть принимаемо какъ вѣроятное, но что прямо противорѣчитъ обоимъ, должно быть отвергнуто». Справедливо возражаетъ по этому поводу г. Нахтигаль, что въ Итальянской легендѣ Константинъ и Меѳодій выставлены только какъ переносители мощей св. Климента, что же касается важнѣйшаго момента ихъ дѣятельности среди славянъ, въ этомъ пунктѣ она не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній. Такой взглядъ высказанъ былъ еще А. В. Горскимъ въ словахъ: «сія легенда есть собственно повѣствованіе о перенесеніи мощей св. Климента, а не о дѣяніяхъ Константина». Еще въ большей степени это замѣчаніе можетъ быть отнесено къ translatio Гаудериха. Поэтому такой источникъ не можетъ быть пробнымъ камнемъ для житія Константина, авторъ котораго ссылается на два сочиненія самого Константина (Архивъ, 129).

Въ главѣ о папскихъ посланіяхъ Гетцъ признаетъ подложными письма Адріана 869 г. и Іоанна VIII 880 г. Составителемъ посланія 869 г. Гетцъ считаетъ одного изъ послѣдователей Меѳодія въ борьбѣ за славянскую церковь противъ франкской. Будучи грекомъ, онъ опирался на авторитетъ Рима, чтобы выставить миссіонерскую дѣятельность своего учителя и употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи законно

признанными со стороны Рима. Составленіе этого подложнаго посланія Гетцъ относитъ ко времени вскорѣ послѣ смерти Меѳодія, когда его сторонники были приведены въ затрудненіе посланіемъ папы Стефана и признаніемъ Вихинга преемникомъ Меѳодія.

Возраженія Гетца противъ подлинности этого письма далеко не новы и не убѣдительны, и быть можетъ получили бы иной характеръ, если бы автору была извѣстна статья Рачкаго въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, написанная въ опроверженіе Гинцеля. Отвѣтъ на нихъ можно найти какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ обширной литературы по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи. Напр., что касается употребленія оборотовъ, несогласныхъ съ римской офиціальной терминологіей, то уже Вороновъ отмѣтилъ, что если исправить выраженіе «рабъ божій» на «рабъ рабовъ божіихъ» и вмѣсто «Меѳодія *сына* нашего» читать «Меѳодія *брата* нашего», то никакого несогласія съ принятыми терминами не будетъ. Въ примѣчаніи къ переводу житія въ христоматіи проф. Виноградова мы указали, что сходство формы родит. падежа множест. числа съ именит. въ древнемъ спискѣ особенно легко могло повести къ опущенію этой тождественной формы позднѣйшими переписчиками, которымъ и самый терминъ servus servorum dei былъ врядъ ли извѣстенъ [1]). Что же касается выраженія *сына* нашего вмѣсто *брата*, то нельзя не обратить вниманія, что въ главѣ XII того же житія находимъ вполнѣ правильно *братъ нашъ Меѳодій*. А въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли въ главѣ VIII въ выраженіи *сынъ* видѣть неправильность? Вѣдь мы не должны забывать, что согласно житію Меѳодія послѣдній посвященъ былъ въ Римѣ только во *священника: «на поповъство»*, глава VI, и уже послѣ пріѣзда въ Римъ во второй разъ былъ рукоположенъ во епископа, а обращеніе *братъ* употреблялось только по отношенію къ епископамъ: Innocentius episcopus etc.... venerabilibus fratribus.... Tiniensi et.... Scardonensi episcopis et dilecto filio.... abbati Traguriensi, salutem etc. Vet. Mon. Slav. Merid. t. I, p. 8 [2]). Такимъ образомъ разница въ терминологіи съ точки зрѣнія автора житія становится понятной. Напротивъ проф. Вороновъ указываетъ явные слѣды первоначальнаго латинскаго оригинала въ выраженіяхъ: «яко о васъ *духовная* слышахомъ» (spiritualia), «кромѣ *канона* не сотвористе ничесо же», мша =

1) Въ похвальномъ словѣ дат. множ.: *рабъ вьсѣмъ рабомъ бжиѥмъ*, въ чемъ уже нѣтъ никакого противорѣчія термину стр. 21 нашего изданія Житія Меѳодія. Москва. 1899 г.

2) Такъ, по нашему мнѣнію вполнѣ основательно, объяснялъ это мѣсто житія П. А. Лавровскій въ сочиненіи «Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ» стр. 328. Въ похвальномъ словѣ, правда, стоитъ выраженіе братъ: *сълѥмъ брата нашего чьстьнаго меѳодиꙗ сщена на архиепьство*, но, здѣсь говорится о его назначеніи епископомъ, хотя въ то же время выше сказано: *постави блаженаго меѳодиꙗ на презвоутерьство*, стр. 21 нашего изданія. И помимо этихъ отступленій содержаніе посланія передано здѣсь очень коротко сравнительно съ житіемъ.

missa[1]). Что же касается такихъ примѣровъ, какъ употребленіе слова *аминь* (Ворон., ib.), то проф. Вороновъ съ полнымъ правомъ могъ принять объясненіе, по которому въ славянскомъ текстѣ видятъ «не буквальный переводъ папскаго посланія, но нѣсколько измѣненный самимъ авторомъ житія, частію, быть можетъ, позднѣйшими переписчиками». На счетъ такого измѣненія и можетъ быть отнесена прибавка «аминь». Далѣе текстомъ Gloria in excelsis, какъ указалъ Лапотръ, начинаются и другія посланія папы Адріана. Странная для Гетца въ папскомъ посланіи форма Святополкъ вмѣсто Zventapolc является вполнѣ естественной въ документѣ, сохранившемся только на славянскомъ языкѣ. Что же касается того, что вѣрнѣе: упоминаніе ли въ папскомъ посланіи двухъ, или трехъ князей, то достаточно сослаться въ этомъ случаѣ на старшій списокъ житія Меѳодія XII в. (см. въ напечатанномъ нами недавно отдѣльномъ оттискѣ изъ Чтеній, стр. 9), въ которомъ стоятъ три имени Святополка, Ростислава и Коцела вмѣсто двухъ послѣднихъ въ спискѣ, изданномъ Шафарикомъ. Въ томъ, что въ посланіи Константинъ и Меѳодій выставляются посланными греческимъ императоромъ, которому придается епитетъ pius, и съ другой стороны они являются уполномоченными на свою дѣятельность папой, Гетцъ усматриваетъ двойственность направленія. Но уже Рачкій, возражая Гинцелю, вполнѣ справедливо замѣтилъ, что папа, упоминая о томъ, что Константинъ и Меѳодій были посланы императоромъ Михаиломъ, сказалъ полную истину и не могъ сказать ничего другого. Примѣненіе къ императору Михаилу прилагательнаго pius, указывающее, по мнѣнію Гетца, на фальсификатора грека, оправдывается такими же мѣстами въ посланіяхъ папы Николая: piissimo et gloriosissimo delecto filio Michaeli magno imperatori. Г. Нахтигаль предпочитаетъ предложенный Рачкимъ переводъ слова благовѣрный латинскимъ gloriosus по нашему мнѣнію напрасно, потому что это прилагательное въ греческихъ текстахъ чаще соотвѣтствуетъ εὐσεβής. Наравнѣ съ посланіемъ Адріана 869 г. Гетцъ признаетъ подложнымъ и посланіе Іоанна VIII 880 г. Сравнивая его съ посланіемъ папы Стефана V (VI) 885 г., онъ находитъ, что не въ отдѣльныхъ только частяхъ, какъ предполагалъ проф. Фридрихъ (стр. 59, примѣчаніе), а въ цѣломъ посланіе 880 г. есть поддѣлка посланія 885 г. То, что въ этомъ послѣднемъ сказано о Вихингѣ, въ посланіи 880 г. отнесено къ Меѳодію. Гетцъ приписываетъ эту поддѣлку Горазду и относитъ ко времени вскорѣ послѣ смерти Меѳодія. Въ рукахъ учениковъ Меѳодія она была орудіемъ въ борьбѣ съ Вихингомъ. Съ другой стороны поддѣлка 880 г., по мнѣнію Гетца, въ отдѣльныхъ пунктахъ могла имѣть въ основѣ подлинное по-

1) Поясненіе этого термина словомъ служба безъ сомнѣнія есть позднѣйшая глосса. Попавъ на болгарскую почву *миша* сейчасъ же было замѣнено славянскимъ словомъ *служба*, какъ можно судить по его употребленію въ церковномъ сказаньи, трудѣ одного изъ учениковъ Меѳодія, епископа Константина. Смотри нашу статью Значеніе слав. текстовъ, изданныхъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ.

сланіе папы къ Святополку отъ того же года, о которомъ упоминаніе находимъ въ посланіи 881 г. Это посланіе, оригиналъ котораго былъ уничтоженъ противниками Меѳодія, могло имѣться у него въ копіи, которую онъ могъ получить въ Римѣ. Замѣнить это посланіе другимъ, прибавивъ въ немъ разрѣшеніе славянской литургіи, было главною цѣлью подлога. Такимъ образомъ, по взгляду Гетца, подлинное посланіе папы Іоанна VIII отъ 880 г. вызвало двѣ поддѣлки: противниковъ Меѳодія и его сторонниковъ. Здѣсь мы прежде всего замѣтимъ, что, по справедливому замѣчанію Малышевскаго, «Меѳодій самъ получилъ на руки папское посланіе и тотчасъ вручилъ его Святополку» (Тр. Кіев. Дух. Акад., окт. 1885 г., стр. 290), на что ясно указано въ письмѣ папы къ Меѳодію 23 марта 881 г., гдѣ папа ссылается на посланіе къ славному князю Святополку, «которое ты, какъ увѣряешь, передалъ ему» (ib., стр. 299). Поэтому предполагать, что Меѳодій получилъ въ Римѣ копію этого посланія, какъ это дѣлаетъ Гетцъ, намъ кажется, нѣтъ основанія. Рецензенты на книгу Гетца не замедлили поставить на видъ произвольность его подозрѣній и съ чисто формальной стороны. Нахтигаль въ Архивѣ напоминаетъ, что, какъ уже было указано проф. Ягичемъ въ разборѣ изслѣдованія проф. Фридриха, еще Блюмбергеръ сомнѣвался въ подлинности посланій Іоанна VIII, но когда Палацкій и Пертцъ нашли въ Ватиканѣ старую пергаменную рукопись, по письму относящуюся къ концу X или началу XI в., онъ взялъ свое мнѣніе назадъ. Послѣднее время Лапотромъ достаточно разъяснено, что въ этой рукописи, принесенной въ Римъ изъ Монте-Кассино, мы имѣемъ дѣло съ копіей оригинальнаго экземпляра, который въ свое время былъ похищенъ изъ папскаго архива приверженцами папы Формоза [1]). Такимъ образомъ, сомнѣніе въ подлинности посланія 880 г. встрѣчаетъ формальное препятствіе. Больше затрудненій представляетъ примиреніе противорѣчія между посланіями Іоанна VIII и Стефана V (VI), которымъ славянское богослуженіе было запрещено. Было предложено нѣсколько попытокъ для объясненія этого противорѣчія. Малышевскій обвинялъ папу Стефана VI во лжи. И. В. Ягичъ указывалъ на то мѣсто посланія папы Іоанна VIII, въ которомъ позволялось совершать литургію на латинскомъ языкѣ, если бы князь или его подданные того пожелали. Это ограниченіе доставляло Меѳодію много затрудненій, имъ безъ сомнѣнія пользовались противники славянскаго богослуженія. Оно и дало Стефану VI поводъ окончательно запретить славянскую литургію. Иное объясненіе предложилъ Лапотръ. Онъ полагаетъ, что подлинное посланіе папы Іоанна VIII 880 г., попавшее въ ту часть папскихъ регестъ, которая была похищена изъ Ватикана Формозомъ и его сторонниками и отнесена въ Монте-Кас-

1) Гетцъ (стр. 67—68) и рецензентъ въ Архивѣ (стр. 132) по недоразумѣнію полагаютъ, что Лапотръ считаетъ Монте-Кассинскую рукопись оригиналомъ папской канцеляріи. На ошибочность такого заключенія указано проф. Вондракомъ (см. Časopis Česk. Mus. 1897 г., стр. 345).

сино, не было извѣстно папѣ Стефану VI. Оно было замѣнено поддѣлкой Вихинга, въ которой славянское богослуженіе запрещалось. Жертвой этой поддѣлки и сдѣлался папа Стефанъ VI. Рецензентъ Архива отдаетъ предпочтеніе объясненію И. В. Ягича, оговариваясь вмѣстѣ съ нимъ, что тѣмъ самымъ еще не устранены всѣ затрудненія; намъ кажется, что наилучшимъ было бы толкованіе Лапотра. Какъ бы то ни было, нельзя не повторить еще разъ справедливаго замѣчанія проф. Ягича о томъ, что «едва ли могутъ быть оправданы попытки тѣхъ ученыхъ (къ нимъ, вмѣстѣ съ Фридрихомъ, принадлежитъ и Гетцъ), которые, *не допуская возможности неравномѣрнаго и непослѣдовательнаго отношенія папскаго престола къ славянскому богослуженію*, устраняютъ или отрицаютъ всѣ тѣ мѣста въ славянскихъ, греческихъ и латинскихъ источникахъ и даже всѣ тѣ документы, которые стоятъ поперекъ дороги къ возстановленію идеала, на дѣлѣ не существовавшаго». Мы закончимъ вопросъ о подлинности обоихъ посланій напоминаніемъ тонкихъ соображеній А. В. Горскаго, по нашему мнѣнію, и до сихъ поръ сохраняющихъ глубокій смыслъ: «Тонъ эпистоліи славянской приличенъ лицу римскаго первосвященника. Сочинитель *умѣетъ обращать въ свою пользу и невыгодныя для него обстоятельства*, какъ, напр., требованіе переводчиковъ изъ Константинополя. Пиша тогда, когда еще не былъ извѣстенъ отказъ относительно Болгаріи послѣ собора, Адріанъ не ссорится съ Константинополемъ, отзывается объ императорѣ, который очень много надѣлалъ непріятностей римскому двору при Николаѣ, благосклонно. Зная о переводѣ, зная, что только изъ за сего перевода князья и сносились съ Константинопольскимъ дворомъ, отказать въ употребленіи сего перевода, не упрочивъ своего вліянія на церковь Моравскую, значило подать славянамъ поводъ къ совершенному отложенію отъ Римскаго престола. Правда, такъ и сдѣлалъ было папа Іоаннъ, но *не зная хорошо обстоятельствъ* (такъ точно объяснилъ это и Рачкій въ первомъ пунктѣ своего отвѣта Гинцелю Archiv, стр. 288—289); и какъ скоро вникнулъ въ дѣло, посовѣтовавшись съ самимъ Меѳодіемъ, то и *перемѣнилъ образъ дѣйствій*».

Переходя къ источникамъ второстепеннымъ, Гетцъ находитъ, что житіе Меѳодія проникнуто той же тенденціей, какъ и подложныя посланія папы Адріана 869 г. и папы Іоанна VIII 880 г. Его цѣль, представить Меѳодія какъ одного изъ библейскихъ героевъ, какъ человѣка равнаго по духу великимъ свѣтиламъ христіанской церкви, а его дѣятельность выставить исполненною по порученію папы, въ силу полномочія, отъ него полученнаго. Авторъ житія былъ современникъ Меѳодія, быть можетъ раздѣлявшій борьбу его и его учениковъ. Онъ не Грекъ, не Моравaнинъ, но всего скорѣе паннонскій Славянинъ. Написано житіе вскорѣ послѣ смерти Меѳодія; оно преслѣдовало ту же цѣль, какъ и подложныя посланія 869 г. и 880 г., служить орудіемъ въ борьбѣ съ Вихингомъ. Посланіе Адріана 869 г., по мнѣнію Гетца, возникло независимо отъ житія, авторъ котораго имъ воспользовался, чтобы придать папскую

санкцію литургической дѣятельности Меѳодія. Что касается Translatio, то болѣе вѣроятно, что оно не было извѣстно автору житія Меѳодія. Только въ одномъ мѣстѣ житія, въ посланіи папы Адріана есть слѣды знакомства его составителя съ Translatio; конечно, оно могло бы быть извѣстно и автору житія, но, съ другой стороны, онъ могъ знать о перенесеніи мощей изъ прямыхъ разсказовъ Меѳодія, или же вмѣстѣ съ нимъ присутствовать въ Римѣ. Никакихъ другихъ слѣдовъ отношенія житія къ Translatio нѣтъ, потому что у автора житія, изображавшаго, главнымъ образомъ, дѣятельность Меѳодія послѣ смерти Константина, не было точекъ соприкосновенія съ Translatio сверхъ главъ 4—6. Если же въ 6-й главѣ житія о славянскомъ языкѣ говорится больше, чѣмъ у Гаудериха, это зависитъ отъ тенденціи житія. Житіе Константина, по мнѣнію Гетца, находится въ зависимости отъ Translatio. Глава 8-я житія и 1-я Translatio часто дословно совпадаютъ; хронологическая послѣдовательность въ томъ и другомъ одинакова: въ обоихъ обрѣтеніе мощей предшествуетъ прибытію къ Хазарамъ. Разсказъ въ главѣ 9-й, благодарственное письмо Хазаръ къ императору, упоминаніе о дарахъ, предложенныхъ Константину и имъ испрошенныхъ, совпадаетъ часто дословно съ 6-й главой Translatio. Если бы вмѣстѣ съ профессоромъ Фридрихомъ предполагать, что главы 1-я и 6-я не принадлежатъ Гаудериху, но представляютъ позднѣйшую переработку, то она должна была возникнуть ранѣе, чѣмъ авторъ житія пользовался Translatio. Изъ Translatio отчасти дословно заимствована въ житіи, въ главѣ 14-й, просьба Ростислава и Константина. Независимо отъ Translatio составленъ разсказъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ и дѣятельности Константина въ Моравіи и о путешествіи въ Римъ, такъ какъ Константинъ, по Гаудериху, слѣдуетъ призыву папы, а по житію Константина, по доброй волѣ отправляется въ Римъ. Напротивъ въ началѣ главы XVII авторъ житія, разсказавъ про диспутъ изъ за славянскаго языка въ Венеціи, вдругъ снова повидимому придерживается Translatio и заставляетъ папу вызывать Константина въ Римъ. Изъ этой же главы, по мнѣнію Гетца, слѣдуетъ, что житіе Константина находится въ зависимости отъ житія Меѳодія, что оно его моложе. Все мѣсто о призваніи Константина въ Римъ совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ житіи Меѳодія. Дальнѣйшій разсказъ о пріемѣ обоихъ славянскихъ апостоловъ въ Римѣ, о санкціи церковно-славянскаго языка, о чудесахъ отъ останковъ Климента имѣетъ источникомъ Translatio и Vita Methodii. Изъ общихъ оборотовъ въ другихъ мѣстахъ Гетцъ заключаетъ о зависимости житія Константина отъ житія Меѳодія: монашеская дѣятельность, подстрекательство злого духа. При вызовѣ Константина въ Моравію дословно передана рѣчь императора. Въ предсмертной молитвѣ Константина (глава XVIII), гдѣ идетъ рѣчь объ освобожденіи учениковъ славянскихъ апостоловъ и объ искорененіи ереси, встрѣчаются обороты, поразительно напоминающіе послѣднюю главу изъ житія Меѳодія. Такимъ образомъ житіе Константина

исчерпываетъ Translatio и житіе Меѳодія. Но, пользуясь этими источниками, авторъ житія допускаетъ явныя преувеличенія. Житіе Константина у него является легендой св. Кирилла. Уже съ самого дѣтства Константину приписывается великая мудрость; таковы разсказы объ его школьныхъ годахъ, бесѣдахъ и диспутахъ, его учености. Не менѣе прославляется его благочестіе, скромность, равнодушіе къ почестямъ, повиновеніе, удаленіе въ монастырь и т. д., въ чемъ видна монашеская тенденція. Въ дальнѣйшей дѣятельности замѣтно стараніе какъ можно болѣе его прославить. Анастасій и Гаудерихъ знаютъ только путешествіе къ Хазарамъ, житіе Константина сообщаетъ сначала о подобной же его миссіи къ сарацинамъ, чтобы увеличить его подвиги во славу Божію. Этой цѣли соотвѣтствуетъ подробное сообщеніе о диспутахъ и упоминаніе о письменной ихъ записи, сдѣланной Меѳодіемъ, о которой мы ничего не знаемъ. И всѣ диспуты служатъ только для того, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ все побѣждающую мудрость Константина. Подобно второму Павлу Меѳодій (гл. XIV его житія) преодолѣваетъ всѣ опасности. Житіе Константина идетъ далѣе и въ этомъ случаѣ: Константинъ является вторымъ Моисеемъ, и, чтобы вмѣстѣ съ Меѳодіемъ не подвергаться мученіямъ жажды, обращаетъ горькую воду въ сладкую. Апостолъ нѣмцевъ Бонифацій, ниспровергая старый дубъ, сокрушаетъ язычество, то же дѣлаетъ и апостолъ славянъ Константинъ (гл. XII). Желая какъ можно болѣе возвысить своего героя, авторъ не стыдился представить историческія событія иначе, чѣмъ это позволяли его источники. Въ то время какъ борьба въ Моравіи началась послѣ смерти Константина, въ житіи разсказъ о дѣятельности Константина у Ростислава начинается словами: mox vero totum ordinem ecclesiasticum vertit и борьба переносится ко времени Константина. При этомъ обнаруживается тенденція прославить апостольскій образъ Константина и изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, а употребленіе церковнаго языка приписать внушенію Божію. Поэтому какъ въ житіи Меѳодія защищается его правовое положеніе, такъ въ житіи Константина принимается подъ защиту отъ всякихъ нападеній славянское богослуженіе. Въ этомъ отношеніи житіе Константина идетъ гораздо далѣе житія Меѳодія: въ немъ въ защиту славянскаго языка въ литургіи приводится масса библейскихъ текстовъ, цѣлый рядъ народовъ, пользующихся своимъ языкомъ для литургіи, причемъ не забыты и Готы; славянское богослуженіе освящается участіемъ въ немъ самихъ представителей римской церкви; отклоняется упрекъ въ томъ, что изобрѣтеніе письменъ ведетъ къ ереси. Отсюда видно, что житіе Константина моложе, чѣмъ житія Меѳодія и даже Климента, которыя точно также говорятъ объ откровенномъ внушеніи славянскаго письма, но не въ такомъ полемическомъ тонѣ. Въ житіи Константина проводится та же точка зрѣнія на борьбу изъ за славянской литургіи, какъ и въ посланіяхъ Іоанна X: славянская литургія не считается уже болѣе, какъ было ранѣе, просто лишь недозволенной, такъ какъ варвар-

скимъ языкомъ профанируется святыня, но положительно еретической, какъ и ея изобрѣтатель считается еретикомъ. На этомъ основаніи Гетцъ, считая авторомъ житія Константина болгарина, относитъ составленіе его ко времени около 925 г. и тѣмъ самымъ отвергаетъ выводы Воронова объ единовременности составленія обоихъ житій Меѳодія и Константина и объ единствѣ ихъ автора. Полагая, что свѣдѣнія о принятіи Константиномъ монашества и монашескаго имени Кириллъ житіе почерпало изъ передѣлки Translatio, Гетцъ не находитъ возможнымъ относить эту передѣлку къ такому позднему времени, какъ это дѣлаетъ проф. Фридрихъ, и высказывается за то, что она явилась не позднѣе житія Константина, т. е. около 925 г. Допуская перемѣну имени Константиномъ въ Кирилла передъ его смертью, Гетцъ не находитъ нужнымъ предполагать, что XVIII глава въ житіи Константина позднѣйшее добавленіе. Перемѣна имени незадолго до смерти объясняетъ намъ, почему современники пользуются именемъ, которое онъ носилъ всю жизнь. Что житіе Меѳодія, составленное около 885 г., не знаетъ имени Кирилла, это неудивительно: очень возможно, что дополненіе тогда еще не было присоединено къ Translatio. Вторая половина этой главы покрывается главами XI—XII Translatio. Вмѣстѣ съ проф. Фридрихомъ Гетцъ полагаетъ, что авторъ житія Константина, будучи особеннымъ его почитателемъ, путешествовалъ въ Римъ, познакомился тамъ съ римскимъ преданіемъ о послѣднихъ дняхъ его жизни и о событіяхъ послѣ его смерти, и составилъ его житіе; но римское преданіе онъ уже нашелъ записаннымъ въ той редакціи Translatio, которая заключала двѣ дополнительныя главы XI—XII. Надгробныя фрески, которыя изображаютъ перенесеніе мощей св. Климента въ церковь съ надписью A Ciril на одной изъ нихъ, открытыя Росси и относимыя имъ къ X в., подтверждали бы нареченіе имени Кирилла и древность XI—XII главъ Translatio. Допуская вмѣстѣ съ Фридрихомъ, что житіе Константина не сохранилось до насъ въ первоначальномъ видѣ, Гетцъ полагаетъ, что первоначально житіе было только легендой, преслѣдовало лишь одну агіографическую цѣль, позднѣе, подъ вліяніемъ борьбы за славянскую литургію, оно было переработано въ оправдательный трактатъ за славянское письмо и литургію, какъ внушенныя Богомъ. Но никакихъ фактическихъ указаній на слѣды переработки житія Константина Гетцъ не находитъ, а потому и не придаетъ значенія этимъ гадательнымъ соображеніямъ. Общее заключеніе Гетца о житіи Константина таково: «Какъ уже призналъ Фридрихъ, важность житія Константина для историческаго изложенія не особенно высока. Имъ должно пользоваться съ большою осторожностью. Какъ вторичный источникъ для біографіи Константина, рядомъ съ Translatio, она не имѣетъ такого значенія, какое на ряду съ папскими письмами для біографіи Меѳодія имѣетъ житіе Меѳодія. Въ томъ и другомъ житіи должно отдѣлить историческую истину отъ тенденціознаго представленія; но что особенно затрудняетъ пользованіе житіемъ Константина—

это то обстоятельство, что въ немъ сравнительно съ житіемъ Меѳодія больше легендарнаго элемента. Поэтому всѣ извѣстія, которыя въ житіи Константина являются одинокими или расходятся съ другими источниками, должны быть принимаемы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ или прямымъ сомнѣніемъ. Положительныхъ данныхъ для житія Константина въ немъ немного».

Таковъ взглядъ Гетца на такъ называемыя паннонскія житія. При заранѣе предвзятой точкѣ зрѣнія по отношенію къ славянскимъ источникамъ вообще, съ признаніемъ единственнаго критерія ихъ въ письмѣ Анастасія и Translatio, и трудно было придти къ инымъ заключеніямъ.

Уже въ отвѣтѣ проф. Фридриху И. В. Ягичъ выяснилъ, что не можетъ быть рѣчи о какой либо взаимной зависимости легенды Итальянской и житія Кирилла. Такъ, напр., въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей св. Климента Итальянская легенда изобилуетъ подробностями, а Кирилловская очень коротка, ссылается на сочиненіе самого Кирилла. Напротивъ, въ разсказѣ о хозарской миссіи житіе Кирилла передаетъ пренія у Хозаръ съ большой полнотой, опять таки указывая важный источникъ, для скептическаго отношенія къ которому нѣтъ никакихъ основаній, именно запись преній самого Кирилла и переводъ ихъ на слав. языкъ Меѳодія. Въ Итальянской легендѣ обо всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Ясно, что оба источника не стоятъ въ какой либо зависимости другъ отъ друга, а напротивъ, брали матеріалъ изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ. Совпадая въ упоминаніи имени Кириллъ, обѣ легенды опять расходятся объ епископствѣ Кирилла, о которомъ говоритъ Итальянская легенда и умалчиваетъ житіе Кирилла. Касаясь того же вопроса проф. Вондракъ высказываетъ мысль, что еслибы авторъ Итал. легенды имѣлъ передъ собой писанную на греч. языкѣ легенду Кирилловскую, то онъ или просто перевелъ бы ее на латинскій языкъ, или сдѣлалъ бы изъ нея извлеченіе; но Итальянская легенда такимъ извлеченіемъ не является. Поэтому проф. Вондракъ допускаетъ только одинаковые для той и другой источники. Что касается вопроса о взаимномъ отношеніи житія Кирилла и житія Меѳодія, то и въ этомъ случаѣ противъ Гетца могутъ быть приведены тѣ возраженія, которыя были сдѣланы въ свое время проф. Фридриху. Считать житіе Кирилла позднѣйшимъ по происхожденію изъ за ея обширности несправедливо. Нужно прежде доказать, что эта обширность произошла въ ущербъ исторической правдѣ. Житіе Кирилла обвиняютъ въ томъ, что въ немъ подобраны всевозможные аргументы въ пользу славянскаго богослуженія, чтобы отразить папскія запрещенія IX и X в., но такой тенденціи оно не имѣетъ. Константинъ не отклонялъ отъ себя изобрѣтеніе письменъ, какъ заключаетъ объ этомъ Гетцъ, слѣдуя проф. Фридриху, изъ фразы: «кто можетъ на воду бесѣду написати и еретичьско име обрѣсти», а потому невѣрно видѣть въ этомъ мѣстѣ легенды отраженіе упрека, сдѣланнаго потомъ славянскому письму, что оно еретическое. Накопленіе цитатъ въ защиту слав. бого-

служенія не говоритъ въ пользу поздняго происхожденія легенды, а доказываетъ только особый учено-полемическій характеръ той среды, гдѣ она написана. Цитатъ не меньше въ частяхъ не славянскихъ. Вообще Кирилловская легенда не придаетъ Константину односторонняго значенія апостола славянъ. Указывая на преувеличенія въ Кирилловской легендѣ, Гетцъ какъ одинъ примѣръ такого преувеличенія приводитъ сарацинскую миссію, но рецензентъ въ Архивѣ (стр. 139), ссылаясь на Исторію Халифовъ Вейля, не находитъ въ разсказѣ о ней ничего противорѣчащаго исторіи. Вмѣстѣ съ проф. Фридрихомъ отрицая изобрѣтеніе Кирилломъ слав. письменъ и установленіе слав. богослуженія въ Моравіи, Гетцъ въ этомъ случаѣ идетъ противъ показаній даже итальянской легенды, а сверхъ того дѣлаетъ еще болѣе грубую ошибку, понимая мѣсто житія: mox vero totum ordinem ecclesiasticum vertit такъ, что Константинъ ниспровергаетъ весь существовавшій ранѣе церковный строй!! и на этомъ основаніи обвиняя автора легенды въ извращеніи историческихъ фактовъ перенесеніемъ позднѣйшей борьбы съ нѣмецкой іерархіей во время Константина. Здѣсь авторъ достойно наказанъ за незнаніе слав. языка, безъ котораго нельзя правильно судить по крайней мѣрѣ о такихъ пунктахъ дѣятельности слав. первоучителей, которые касаются вопросовъ филологическихъ. Еслибы только онъ заглянулъ въ славянскій текстъ, то слова житія *«въскорѣ же весь церьковный чинъ прѣложи и научи заоутреніи и годинамъ, обѣднѣи и вечерніи и повечерници и таинѣи слоужбѣ»* указали бы ему, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Такую же ошибку дѣлаетъ Гетцъ, вслѣдъ за Ганушемъ повторяя, будто бы имя Cyrill значитъ изобрѣтатель письма.

Что касается тѣхъ мѣстъ въ житіи Кирилла, которыя, по мнѣнію Гетца, напоминаютъ житіе Меѳодія, то этотъ пунктъ стоитъ въ связи со взглядомъ на происхожденіе житій и принадлежность ихъ извѣстному автору. Большая часть рецензентовъ какъ на статью проф. Фридриха, такъ и на книгу Гетца раздѣляютъ мнѣніе проф. Воронова, относившаго оба житія ко второй половинѣ X в. и указывавшаго на Болгарію какъ на ту страну, въ которой были написаны житія. Мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній. Признавая оба житія произведеніями одной эпохи, мы не находимъ однако ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что житіе Константина могло быть составлено ранѣе житія Меѳодія, быть можетъ еще при жизни послѣдняго: вѣдь авторъ его имѣлъ подъ руками такіе источники, какъ сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, пренія съ Хозарами въ переводѣ Меѳодія, посланіе императора Михаила князю Ростиславу, онъ собралъ такія подробныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Константина, о его школьныхъ годахъ и первой порѣ ученой и миссіонерской дѣятельности, какія можно было почерпнуть только отъ самаго близкаго къ почившему человѣка. Въ свою очередь и житіе Меѳодія носитъ слѣды близкаго ко времени послѣ его смерти составленія. Иначе думалъ проф. Вороновъ: «Они составлены

были уже тогда, когда слава святости великихъ первоучителей славянства была общепризнаннымъ вѣрованіемъ болгарской церкви, когда дѣло ихъ получило общеславянское значеніе, когда одинъ изъ источниковъ, бывшихъ у автора, составленный въ Херсонѣ въ концѣ IX в., былъ уже значительно извѣстенъ въ Болгаріи, были написаны наконецъ послѣ завоеванія Моравіи Уграми и, какъ съ вѣроятностію можно полагать, уже тогда, когда въ Болгаріи возникла ересь богомиловъ. Кромѣ того полемика за славянское богослуженіе позволяетъ отнести наши житія къ эпохѣ черноризца Храбра». Послѣ открытія проф. Фридриха одинъ изъ важныхъ аргументовъ въ пользу такихъ соображеній, предполагаемый источникъ IX в., слово объ обрѣтеніи мощей с. Климента, устраняется, разъ мы знаемъ, что это слово произведеніе самого Константина. Разсказы обоихъ житій объ Уграхъ также не могутъ быть отвергаемы, особенно послѣ того, какъ проф. Малышевскимъ представлена попытка ихъ оправданія. Относить на счетъ позднѣйшаго богомильства суевѣрія, указанныя въ XV главѣ житія Константина, въ потворствѣ которымъ авторъ обвиняетъ латинское духовенство: «и иному бесчестію учааху, глаголюще, яко подъ землею живуть человѣци велеглавы, и весь гадъ діаволя тварь есть. и аще кто убіетъ змію, девять грѣхъ избудетъ тое ради, аще человѣка убіетъ кто, три мѣсяцы да піеть въ дрѣвѣнѣ чаши, а стеклянѣ да не прикасается. и не браняху жертвъ творити по первому обычаю, ни женитвъ безчестныхъ» нѣтъ никакого основанія. Находя сходство между житіями и сказаніемъ Храбра въ полемикѣ за слав. богослуженіе, проф. Вороновъ считаетъ несостоятельной мысль о славянскомъ богослуженіи въ Болгаріи въ IX в. и напротивъ считаетъ основательнымъ предполагать господство греческаго богослуженія въ этой странѣ и въ началѣ X в. Указывая на сильное вліяніе Византіи на Болгарію, проф. Вороновъ не находитъ ничего удивительнаго, если и житія св. Кирилла и Меѳодія были написаны на языкѣ греческомъ [1]). Но если славянское богослуженіе не было введено въ Болгаріи при Борисѣ и Симеонѣ въ эпоху расцвѣта болгарской литературы, когда мы знаемъ о дѣятельности учениковъ Меѳодія и ихъ ближайшихъ послѣдователей, то оставалось бы допустить его введеніе въ періодъ упадка Болгаріи, когда при дворѣ сказывалось сильное византійское вліяніе, а въ церковной жизни явилась смута, выразившаяся въ ученіи богомиловъ. Мы и сказаніе Храбра считаемъ необходимымъ отнести ко времени, когда славянское богослуженіе начинало вводиться въ Болгаріи. Въ одномъ изъ его списковъ вопросъ о славянскомъ письмѣ дѣйствительно ставится въ связь съ борьбой за права славянской литургіи противъ греческой. Ни единаго намека на отношеніе къ болгарскимъ дѣламъ мы не находимъ

1) Возраженія противъ первоначальной греческой редакціи житій высказаны нами въ предисловіи къ изданію Поученій Климента Слов. Москва 1895. Тамъ нами указаны и нѣкоторыя особенности въ языкѣ житій, объясняемыя изъ вліянія нѣм. языкѣ и западнослав. нарѣчій, которыя естественнѣе могли явиться въ Моравіи.

въ защитѣ слав. богослуженія въ житіи Константина. А потому мы не можемъ признать справедливость такого рода соображеній проф. Воронова: «Все это (а раньше рѣчь шла о томъ, что изъ IX в. мы не имѣемъ ни одного достовѣрнаго свидѣтельства о слав. богослуженіи въ Болгаріи, что недаромъ авторъ житія св. Константина, перечисляя различные отдаленные народы, имѣвшіе въ вѣкъ первоучителей богослуженіе на народномъ языкѣ, не упоминаетъ о своихъ соотечественникахъ, что для введенія славянскаго богослуженія конечно требовались подготовленные люди, требовались, повидимому, независимо отъ принесенныхъ изъ Моравіи, новые переводы священныхъ и богослужбныхъ книгъ, а главное— для этого требовалось согласіе греческой церкви и греческаго духовенства, дѣйствовавшаго въ Болгаріи. Легко ли могло быть дано это согласіе? Не думаемъ и полагаемъ, что и греческая церковь въ данное время по отношенію къ Болгаріи не была свободна отъ упрека въ треязычной ереси... Не безъ борьбы уступая національному элементу въ церковномъ управленіи и въ вопросѣ о церковной независимости, она также повидимому неохотно допускала и славянское богослуженіе. Слѣды этой борьбы въ болгарской литературѣ представляетъ намъ сочиненіе черноризца Храбра о письменахъ, важное, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что оно написано именно въ западной части Болгаріи, тамъ, гдѣ подвизались вышедшіе изъ Моравіи ученики Кирилла и Меѳодія и гдѣ поэтому особенно было сильно стремленіе къ духовной независимости славянства), по нашему мнѣнію, проливаетъ достаточно свѣта на одинъ изъ вопросовъ внутренней жизни болгарской церкви X в., чтобы поставить и житіе св. Константина въ связь съ этимъ вопросомъ и видѣть въ этомъ произведеніи новый моментъ въ борьбѣ за славянскую письменность въ Болгаріи. Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ возраженіяхъ противъ славянской письменности, какъ они изложены у Храбра съ одной и какъ представлены въ житіи св. Константина съ другой стороны». Разумѣется, и мы вполнѣ согласны съ указаніемъ на это сходство, но мы иначе его объясняемъ, приписывая его вліянію на сказаніе о письменахъ житія Константина, какъ памятника старшаго, въ которомъ какъ въ другихъ пунктахъ, такъ и въ этомъ не находимъ ничего, указывающаго на Болгарію; будь это иначе, какъ предполагаетъ проф. Вороновъ, и въ житіи Константина остались бы слѣды мѣстныхъ болгарскихъ отношеній, какіе мы указываемъ въ одномъ изъ списковъ сказанія Храбра.

Гораздо болѣе основаній отстаивать другой выводъ Воронова объ единствѣ автора обоихъ житій, въ чемъ проф. Вороновъ совершенно согласенъ и съ А. В. Горскимъ, который въ свое время сдѣлалъ мѣткое замѣчаніе: «въ житіи Меѳодія по большей части то опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла» (Кир. Меѳод. Сборн. 9) [1]). Этому не проти-

1) Съ нѣкоторымъ ограниченіемъ принимаетъ тотъ же взглядъ рецензентъ книги Гетца въ Архивѣ Ягича: «Вороновъ старался доказать, что оба житія при-

ворѣчатъ незначительныя, повидимому, разногласія между житіями тамъ, гдѣ они касаются одного и того же предмета. Мы имѣемъ въ виду возраженія проф. Вондрака. Они состоятъ въ слѣдующемъ: «Въ VI главѣ житія Меѳодія говорится, что впервые въ Римѣ славянская литургія подверглась нападкамъ, между тѣмъ какъ изъ житія Кирилла мы узнаемъ, что возраженія противъ слав. языка поднялись еще въ Моравіи до путешествія обоихъ апостоловъ въ Римъ. Поэтому быть можетъ еще тогда отводилось извѣстное мѣсто слав. языку при богослуженіи, даже весьма вѣроятно, что уже тогда обѣдню служили на слав. языкѣ. Далѣе, согласно житію Кирилла, въ Венеціи оба апостола на пути въ Римъ вели диспутъ, въ которомъ они должны были защищать славянскую литургію. Объ этомъ житіе Меѳодія также не говоритъ ничего. Не малозначительно и то обстоятельство, что, согласно главѣ XVII житія Кирилла, оба епископа—Формозъ и Гаудерихъ—посвящаютъ учениковъ Меѳодія въ Римѣ. Согласно житію Меѳодія (глава VI) папа поручаетъ одному епископу сдѣлать это. Такимъ образомъ, здѣсь уже остается неизвѣстнымъ даже и то, что епископовъ было двое. Такіе факты говорятъ рѣшительно противъ предположенія, что авторъ житій былъ одно и то же лицо, ибо авторъ послѣдняго былъ менѣе хорошо освѣдомленъ. У автора житія Меѳодія повидимому уже не было подъ руками житія Кирилла, но существенные факты онъ, кажется, выставилъ правильно». Но вѣдь дѣло въ томъ, что разъ славянское богослуженіе встрѣтило возраженія католическаго духовенства, то эти возраженія, начавшись въ Моравіи, продолжаясь въ Венеціи, должны были раздаться и въ Римѣ. Въ житіи Кирилла вполнѣ естественно было говорить объ этихъ возраженіяхъ въ тѣхъ главахъ (XV и XVI), гдѣ о нихъ рѣчь впервые. Въ этихъ главахъ мы находимъ и отвѣты на эти возраженія. Наоборотъ, въ главѣ XVII ни слова не упомянуто объ этомъ пунктѣ потому, что въ этой главѣ все вниманіе обращено на подробное (сравнительно съ VI главой житія Меѳодія) изложеніе тѣхъ фактовъ, въ которыхъ выразилось сочувствіе, какое встрѣтило въ Римѣ дѣло славянскихъ первоучителей. Говоря о томъ же возможно короче, авторъ житія Меѳодія въ VI главѣ въ свою очередь даетъ намъ по отношенію къ вопросу о славянскомъ языкѣ въ богослуженіи лишнее указаніе, а именно къ тому, что мы знаемъ изъ XV и XVI главъ житія Константина, прибавляетъ, что возраженія противъ слав. языка продолжались и въ Римѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ и еще одна интересная подробность, а именно замѣчаніе о томъ, что въ посвященіи учениковъ Меѳодія принималъ участіе одинъ епископъ, раздѣлявшій мнѣніе треязычниковъ; по этому, по нашему мнѣнію, тутъ нѣтъ противорѣчія, что указано на одного вмѣсто двоихъ, такъ какъ авторъ житія этимъ не исключаетъ другого, а лишь характеризуетъ направленіе одного изъ рукополагавшихъ епископовъ.

надлежатъ одному автору. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не исключено то, что одно житіе было сочинено при знаніи другого». XX т., стр 138.

Если т. о. до сихъ поръ далеко не согласны по отношенію къ вопросу о житіяхъ, ихъ происхожденіи и взаимномъ отношеніи славянскіе ученые, то нельзя особенно упрекать за тѣ или другіе выводы иностраннаго ученаго, каковъ Гетцъ. Неудивительно также, что онъ, замѣтивъ тотъ или другой фактъ, даетъ ему, съ нашей точки зрѣнія, неправильное объясненіе. Такъ, напр., Гетцъ изъ одинаковыхъ выраженій въ житіи Кирилла и Меѳодія заключаетъ о зависимости перваго отъ второго. Разумѣется, для тѣхъ, кто признаетъ одного автора обоихъ житій, замѣченный Гетцемъ фактъ будетъ отнесенъ на счетъ одинаковости взгляда автора и его стиля. Раздѣляя такую точку зрѣнія, мы всего скорѣе склонны были бы считать авторомъ житій Климента болгарскаго, еслибы препятствіемъ къ тому не служило отсутствіе его имени во всѣхъ спискахъ того и другого житія, равно какъ и пространныхъ похвальныхъ словъ слав. первоучителямъ, не смотря на то что одинъ списокъ житія Меѳодія и похвальнаго слова обоимъ святителямъ относится къ XII—XIII в. Но за то въ похвальномъ словѣ одному Кириллу, котораго принадлежность Клименту подтверждается и надписаніемъ [1]) многихъ списковъ, мы имѣемъ чрезвычайно важный памятникъ для опредѣленія времени происхожденія такъ называемыхъ паннонскихъ житій. Намъ извѣстенъ годъ смерти Климента 916, а тѣмъ самымъ опредѣляется и приблизительное время составленія житій обоихъ, если настаивать на томъ, что Климентъ самъ былъ ихъ авторомъ, или же по крайней мѣрѣ житія Кирилла, которымъ похвальное слово, безъ всякаго сомнѣнія, пользовалось: указанія на борьбу съ иконоборческой ересью, на проповѣдь христіанства у Хозаръ и Сарацынъ, въ фоульсцѣ ѩзыцѣ. Вполнѣ сознавая чрезвычайную важность такого факта, Вороновъ категорически отрицаетъ принадлежность этого слова Клименту: «признавая какъ житіе Меѳодія, такъ и житіе Кирилла произведеніями, написанными послѣ смерти св. Климента († 916), мы уже по этому самому не можетъ признать его авторомъ ни того, ни другого изъ похвальныхъ словъ, написанныхъ несомнѣнно позже паннонскихъ житій». Онъ не придаетъ значенія надписанію, при чемъ забываетъ, что свидѣтельство надписанія подтверждается полною близостію стиля этого похвальнаго слова съ другими словами Климента, для сомнѣнія въ которыхъ нѣтъ никакого повода. Мы посвятили этому пункту особенное вниманіе въ предисловіи къ выпущеннымъ нами нѣсколькимъ словамъ Климента, печатаніе которыхъ было начато еще Ундольскимъ. Возраженія на приведенныя нами доказательства мы нигдѣ не встрѣтили и считаемъ поэтому принадлежность похвальнаго слова Клименту прочно установленной. Если вмѣстѣ съ другими учеными, начиная съ Ундольскаго, счи-

1) Правда, списокъ Севастьяновскій XIII—XIV в. № 1467 и напечатанный Срезневскимъ западно-русскій текстъ XIV в. не имѣютъ имени Климента. Но въ первомъ изъ нихъ кромѣ того есть и еще странность. Въ заглавіи стоятъ оба имени Кирилла и Меѳодія, а между тѣмъ самое слово касается только одного Кирилла.

тать и похвальное слово обоимъ первоучителямъ принадлежащимъ Клименту, тогда по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ признать не позднѣе 916 г. оба паннонскихъ житія, такъ какъ въ немъ обнаруживается очевидная зависимость автора и отъ житія Меѳодія, напр., въ извѣстіяхъ о его свѣтской дѣятельности, собесѣдованіяхъ съ владыками, о его воеводствѣ и т. д. Но мы во всякомъ случаѣ считаемъ необходимымъ отличать похвалу Кириллу отъ похвальнаго слова обоимъ первоучителямъ. Послѣднее слово безъ сомнѣнія позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ оно могло быть написано только послѣ 885 г. Но первое похвала Кирилла безъ сомнѣнія относится ко времени раннему. Въ ней находимъ больше указаній на отношеніе св. Кирилла къ Риму. Такъ, напр., «гдѣ только онъ слышалъ какую либо хулу на божій образъ, какъ крылатый облеталъ всѣ страны, ясными притчами искоренняя всѣ соблазны и научая истиной вѣрѣ, «*павла останкы наплнаꙗ*». «Прѣложивъ же весь церковный уставъ отъ греческаго языка въ словѣньскъ и иде въ *Римъ*, ведый на свершение избранок си стадо. Изволи же Гдь Бъ *тꙋ въ Римъ* прѣчестному тѣлу его почити». Проповѣдникъ не даромъ прославляетъ мѣсто упокоенія своего учителя: «Блажу *пречестную ту церковь, въ неи же лежитъ многоразумный и богоглаголивый органъ*, блаженъ *градъ пріемый третіяго свершителя божію смотрѣнію*: тою *бо верховною свѣтилу останокъ исполнѣя* явился блаженный сей. Тѣмже и съ нима повелѣ ему Господь Богъ пречестный покой пріяти». Въ словѣ обоимъ первоучителямъ нѣтъ подобнаго мѣста; не потому ли, что изъ этого града, въ которомъ нашелъ упокоеніе св. Кириллъ, уже не исходила прежняя поддержка дѣлу св. первоучителей. Кромѣ того, въ одномъ изъ списковъ похвалы гораздо рельефнѣе выступаетъ личное чувство автора, какъ видно изъ выраженій: «Блажу многогласный твой языкъ, имже *моему языку* требезначальнаго божества зарѣ всіявши мракъ грѣховный оттна; блажу много прѣстѣтлое лицо твое, озаршеся отъ святого духа, имже *моему лицу* богоразумный свѣтъ всія и многобожная лесть искоренися. Блажу златозарнѣи твои очи, имже *моима очима* слѣпота неразумная отъята бысть.... Блажу пречестнѣи твои руцѣ, имаже сниде *моему языку* богоразумная туча; блажу богодвижныя твоя персты, ими же написася *моему языку* свобода отъ грѣховнаго ига; блажу златозарную твою утробу, отъ нея же истече *языку моему* животная вода». Въ другихъ спискахъ того же слова эти выраженія или пропущены, или замѣнены: «всѣмъ странамъ». Невольно думается, что если даже и приписывать эти перемѣны самому Клименту, останется очевиднымъ, что сильнѣйшее выраженіе личныхъ чувствъ во всякомъ случаѣ могло быть въ первоначальной редакціи похвалы. Такъ думалъ и Срезневскій, поставившій вопросъ: «не заключается ли въ болгарскомъ сборникѣ первообразъ сочиненія Климента послѣ имъ самимъ исправленный». Въ похвальномъ словѣ обоимъ первоучителямъ этого не находимъ. На основаніи выше сказаннаго мы не можемъ согласиться съ взглядомъ на отношеніе этихъ словъ, высказан-

нымъ проф. Вороновымъ: «Принадлежатъ ли оба похвальныя слова одному, или различнымъ авторамъ, рѣшить трудно. По нѣкоторому сходству въ пріемахъ ублаженія, въ воззрѣніяхъ и нѣкоторыхъ выраженіяхъ, съ вѣроятностію можно допустить происхожденіе обоихъ словъ отъ одного автора. Взаимная связь обоихъ словъ по составленію ихъ видна изъ того, что въ похвальномъ словѣ св. Кириллу вовсе не упоминается о Меѳодіи (при нашемъ объясненіи причина иная: Меѳодій еще былъ живъ), что едва ли было бы возможно, еслибы не имѣлось въ виду параллельнаго слова св. Меѳодію. Впрочемъ, въ другомъ словѣ обоимъ первоучителямъ—не исключительно или преимущественно ублажается Меѳодій (какъ въ канонахъ), но въ равной степени оба св. брата. Это обстоятельство вмѣстѣ съ сравнительною краткостію похвалы св. Кириллу повидимому указываетъ, что авторомъ *сначала составлена была похвала обоимъ просвѣтителямъ, а потомъ уже одному св. Кириллу*». Мы остаемся при томъ убѣжденіи, что тѣ ученые, которые составленіе паннонскихъ житій во что бы то ни стало хотятъ отодвинуть ко второй четверти X в., должны представить болѣе убѣдительныя доказательства, что похвальное слово Кириллу не можетъ принадлежать Клименту. У Воронова такихъ доказательствъ не приведено. Если же онъ самъ склоненъ приписывать оба похвальныхъ слова одному автору, тогда его мнѣнію грозитъ еще большая опасность, такъ какъ тогда уже должно будетъ приписать Клименту и оба паннонскихъ житія.

Мы значительно уклонились отъ разсмотрѣнія книги Гетца, остановившись на вопросѣ о житіяхъ. Возвращаясь къ ней, мы должны были бы говорить о второй части, гдѣ авторъ излагаетъ дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія на основаніи источниковъ. Но мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями. Если бы Гетцъ слѣдовалъ только своимъ первичнымъ источникамъ, то эта часть его книги вышла бы очень блѣдной; но онъ пользуется и вторичными источниками, каждый разъ это оговаривая, и оттого, разумѣется, изложеніе выигрываетъ. Въ этой части, которая стоитъ въ тѣсной зависимости отъ первой, есть такія главы, какъ «мнимое изобрѣтеніе слав. письма Константиномъ», въ которой авторъ утверждаетъ, что Константинъ не изобрѣталъ алфавита, а нашелъ его готовымъ, что онъ лишь перевелъ отрывки библіи и привезъ ихъ въ Моравію». Введеніе слав. литургіи Гетцъ приписываетъ Меѳодію. Въ введеніи своей книги упрекая предшественниковъ въ вѣроисповѣдномъ пристрастіи, Гетцъ самъ впалъ въ эту ошибку, отстаивая права баварскаго епископства и вообще нѣмецкаго духовенства. Оттого у него являются такія главы, какъ: Низложеніе Меѳодія на соборѣ въ Регенбургѣ осенью 870 г. и Возстановленіе Меѳодія Іоанномъ VIII. Насиліе и тиранія частнаго собранія нѣмецкихъ епископовъ прикрывается плащемъ законности.

Нисколько неудивительно, что общій приговоръ рецензентовъ не въ пользу автора. «Мы съ радостью привѣтствуемъ всякое сочиненіе, въ которомъ нѣмцы доказываютъ намъ, что справедливо обсуждаютъ наше

прошлое и съ интересомъ слѣдятъ за нашимъ культурнымъ развитіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы очень обмануты. Гетцъ рѣзко упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они односторонне разсуждали о важномъ вопросѣ, съ предвзятой мыслью, стоя одни на римской точкѣ зрѣнія, другіе на противо-римской. Но, къ сожалѣнію, ему самому не удалось сохранить безпристрастіе. Онъ взялся за трудную задачу; и спеціалисту, гораздо лучше вооруженному, приходится бороться съ трудными загадками, а Гетцъ хотѣлъ шутя устранить всѣ эти препятствія! При немъ остается его добрая воля; но что онъ писалъ критику славянскихъ источниковъ и судилъ о ихъ достовѣрности, почти совсѣмъ ихъ не понимая, этой смѣлости простить ему не можемъ. Наши апостолы положили начало славянской письменности: въ этомъ ихъ великая заслуга передъ всѣмъ славянствомъ, которая всегда будетъ стоять на первомъ планѣ, и всякій, кто бы захотѣлъ легкомысленно умалять эту заслугу, долженъ встрѣтить рѣшительный отпоръ» [1]). Въ другой статьѣ въ Архивѣ проф. Вондракъ высказываетъ справедливое сожалѣніе, что славянскіе языки преподаются только въ трехъ нѣмецкихъ университетахъ.

Покончивъ съ разборомъ книги Гетца, считаемъ не лишнимъ остановиться на статьѣ проф. Вондрака: «Нѣсколько замѣчаній противъ подлинности посланія папы Адріана II въ житіи Меѳодія», въ которой предложены возраженія противъ подлинности письма папы Адріана II 869 г. только съ иной точки зрѣнія, чѣмъ у Гетца. Вондракъ указываетъ, что это посланіе, въ которомъ одобряется введеніе славянской литургіи, возбуждаетъ сомнѣніе по той причинѣ, что не вполнѣ можетъ быть согласовано съ дѣйствіемъ папы Іоанна VIII. Какъ извѣстно, этотъ папа въ одномъ изъ недошедшихъ посланій чрезъ своего легата Павла Анконскаго запретилъ славянское богослуженіе. Какимъ образомъ спустя четыре года было запрещено то, что было разрѣшено Адріаномъ II. Полагаютъ, что не безъ содѣйствія Павла Анконскаго это запрещеніе не было проведено во всей строгости, и Меѳодій продолжалъ славянское богослуженіе до конца 70-хъ годовъ. Вызванный въ Римъ въ 879 г. для оправданія противъ обвиненій въ дѣлахъ вѣры, онъ исполнилъ это съ успѣхомъ и въ 880 г. папа разрѣшаетъ славянское богослуженіе. При этомъ папѣ Іоанну VIII было всего естественнѣе сослаться на позволеніе своего предшественника Адріана II и упомянуть, что здѣсь дѣло идетъ не о чемъ либо новомъ, а лишь о возобновленіи ранѣе существовавшихъ отношеній, однако, ничего подобнаго нѣтъ. Рачкій и Вороновъ устраняли это затрудненіе, указывая, что папы часто не обращали вниманія на постановленія своихъ предшественниковъ; но дозволеніе славянскаго языка въ богослуженіи столь необычно, что требовало соображенія съ ранними постановленіями. На этомъ основаніи Гинцель признавалъ это посланіе подложнымъ. Ссылаться на примѣръ папы Стефана VI нельзя, потому что

1) Č. Č. M. 1897. IV. 352.

этотъ послѣдній, запрещая славянское богослуженіе, упоминаетъ о клятвѣ, данной Меѳодіемъ его предшественнику въ томъ, что онъ не будетъ болѣе совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ. Здѣсь Стефанъ VI ссылается на своего предшественника, чего Іоаннъ VIII въ своемъ посланіи не дѣлаетъ, хотя это было такъ естественно. Далѣе, въ литературѣ уже указывалось, что то мѣсто въ посланіи Адріана, въ которомъ идетъ рѣчь о допущеніи славянской литургіи, родственно съ соотвѣтствующимъ ему въ посланіи папы Іоанна VIII. Въ дополненіе къ этому Вондракъ обращаетъ вниманіе, что въ посланіи Адріана мы находимъ тѣ же самыя ссылки на священное писаніе, какъ и въ посланіи Іоанна VIII, при чемъ онѣ не имѣютъ въ немъ такого прямого смысла, какъ въ послѣднемъ. Текстъ «восхвалятъ господа» и т. д. подтверждаетъ не то, что сначала нужно читать евангеліе по-латыни, а потомъ по-славянски, а то, что вообще можно читать на славянскомъ языкѣ. Поэтому цитаты должны стоять послѣ того мѣста, въ которомъ разрѣшается славянская литургія. Не допуская такого логическаго недосмотра папской канцеляріи, Вондракъ ставитъ его на счетъ автора житія Меѳодія; а въ такомъ случаѣ является вопросъ, имѣлъ ли передъ собою авторъ житія оригиналъ посланія, или же только его копію. Какъ видно изъ житія, содержаніе посланія Іоанна VIII 880 г. было недостаточно извѣстно его автору, и то, что онъ долженъ былъ привести изъ него въ XII главѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ посланіи, именно разрѣшеніе славянской литургіи, онъ приписываетъ папѣ Адріану II.

Въ XII главѣ житія о разрѣшеніи славянской литургіи не говорится; да и не могло бы быть сказано, послѣ того какъ это разрѣшеніе ранѣе приписано Адріану II. Что посланіе Адріана хотя отчасти является отраженіемъ посланія 880 г., за это говоритъ то мѣсто, въ которомъ идетъ рѣчь объ его испытаніи въ правовѣріи. Къ чему это здѣсь? Не напоминаетъ ли это мѣсто письмо папы Іоанна VIII 880 г., въ которомъ Меѳодій былъ признанъ правовѣрующимъ, послѣ того какъ онъ въ 879 г. вызванъ былъ для отвѣта въ Римъ. Но если авторъ житія и не имѣлъ оригинала посланія, то, составляя его, онъ долженъ былъ постараться составить его на сколько можно въ римскомъ духѣ. Онъ успѣлъ въ этомъ на столько, что письмо въ этомъ отношеніи почти вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ. Чтобы устранить и малѣйшее недоразумѣніе, онъ говоритъ, что славяне сначала просили себѣ учителей у св. престола. Но Римъ опоздалъ удовлетворить эту просьбу (противъ обыкновенія, предупреждавшій другихъ, какъ указываетъ его готовность исполнить просьбу болгарскаго князя Бориса) и императоръ Михаилъ прислалъ славянамъ учителей ранѣе. Дѣло выходитъ невѣроятно, если мы примемъ во вниманіе, какими мотивами руководился Ростиславъ, когда онъ обращался за славянскими учителями.

Возраженія Вондрака, какъ можно видѣть, направлены не противъ посланія 869 г. вообще, а противъ той формы его, въ которой оно дошло

до насъ. Въ этомъ существенная разница его взгляда отъ взгляда Гетца. Но замѣчанія проф. Вондрака вызываютъ слѣдующія возраженія: 1) Отсутствіе ссылки въ посланіи 880 г. Іоанна VIII удовлетворительно объясняется тѣмъ, что незадолго до 880 г. запретивъ славянское богослуженіе, онъ не хотѣлъ сознаться, что своимъ запрещеніемъ противорѣчилъ постановленію своего предшественника (Рачкій, стр. 290). 2) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о чтеніи евангелія сначала на языкѣ латинскомъ и потомъ на славянскомъ, въ посланіи 880 г. прибавлено sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Это прибавленіе даетъ основаніе не только допускать, что такое же мѣсто было въ буллѣ 869 г., но и заключать, что постановленіе Адріана II приводилось въ исполненіе (Бильбасовъ I стр. 8). 3) Что Меѳодій передъ отъѣздомъ къ Коцелу подвергался въ Римѣ испытанію въ вѣроученіи, на это мы находимъ указаніе въ посланіяхъ папы Іоанна VIII 879 г., гдѣ сказано: «мы очень удивились, услышавъ, что Меѳодій, вашъ архіепископъ, который былъ рукоположенъ и посланъ къ вамъ нашимъ предшественникомъ, именно папою Адріаномъ, иначе учитъ, *чѣмъ онъ исповѣдывалъ устно и письменно предъ апостольскимъ престоломъ*» (Труды Кіев. Дух. Акад. сент. 1885 г. Малышевскій, стр. 65). Тоже и въ письмѣ къ Меѳодію, котораго папа вызываетъ явиться: «чтобы мы изъ твоихъ устъ услышали и узнали, такъ ли ты исповѣдуешь, *какъ устно и письменно обѣщалъ ты вѣрить св. Римской церкви*, или нѣтъ, такъ чтобы мы точно познали твое ученіе» (ib., 64). Что же касается одинаковости текстовъ священнаго писанія, то едва ли можно придавать этому обстоятельству особое значеніе. Поэтому намъ кажется, что въ житіи Меѳодія дѣйствительно недостаточно изложено посланіе 880 г., но это не говоритъ противъ посланія 869 г., а убѣждаетъ лишь въ томъ, что по неизвѣстной намъ причинѣ авторъ житія не имѣлъ въ рукахъ посланія 880 г.

П. Лавровъ.

Одесса, 25 февр. 1899 г.

Karl Buresch. *Aus Lydien. Epigraphisch-geographische Reisefrüchte, hinterlassen von K. Buresch, herausgegeben von Otto Ribbeck.* Mit einer von H. Kiepert gezeichneten Karte. Leipzig 1898. XV и 226 стр. 8⁰.

Книгу вмѣсто авторскаго предисловія начинаетъ вышедшій изъ подъ пера Риббека чрезвычайно трогательный очеркъ жизни К. Буреша, скончавшагося въ началѣ полнаго расцвѣта научной дѣятельности, но уже успѣвшаго заявить о себѣ многочисленными изслѣдованіями, публикаціями и рецензіями (ихъ, по перечню на стр. 221 сл., насчитывается до 32 №№). Изъ этого очерка мы видимъ, какъ постепенно научные интересы Буреша сосредоточивались на всестороннемъ изученіи позднѣйшаго эллинизма въ его историческомъ развитіи и привели его къ систематическому изслѣдованію и изученію близкой, но мало извѣстной Лидіи, ко-